

Научная статья

УДК 94

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-57-69

ВОЕННЫЕ ПОТЕРИ КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВОЮЮЩИХ СТОРОН В ДИСКУССИЯХ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Шульц Э. Э.

Московский государственный лингвистический университет

г. Москва, Российская Федерация

Государственный университет просвещения

г. Москва, Российская Федерация

e-mail: nuar1@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.06.2025

После доработки 29.06.2025

Принята к публикации 10.07.2025

Аннотация

Цель. Определить возможность использования критерия военных потерь в Великой Отечественной войне для определения эффективности ведения войны Красной армией и вермахтом.

Процедуры и методы. Статья посвящена определению цифр потерь Красной армии и вермахта с союзниками и оценке причин разницы в потерях сторон. Данная проблема рассматривается как с точки зрения самостоятельной научной проблемы, так и вопроса об эффективности армий и ведения боевых действий, который часто в научной и общественной мысли скатывается к сентенции «трупам закидали», как резюмирование причин победы СССР. Для исследования используется статистический анализ потерь, сравнительный метод, историко-генетический метод.

Результаты. Сделан вывод, что безвозвратные потери Красной армии составляли 8,7 или 10 млн человек, потери вермахта и союзников на Восточном фронте составили как минимум 5 млн. При этом в проблему цифр включается такой неучтённый фактор, как служба на стороне вермахта бывших солдат и офицеров Красной армии, которые отнесены к потерям советской стороны, а погибли, воюя на стороне Германии. Ещё одной «статистической проблемой» является «сверхсмертность» (в сравнении со смертностью немцев и союзников) среди советских военнослужащих в немецком плену, которая не имеет отношения к боевым действиям, а является вопросом целенаправленного уничтожения военнопленных, которая составила 1,8 млн человек. Автор приходит к выводу, что разница в потерях Красной армии и вермахта относится к преимуществу первого удара. За первые 1,5 года войны РККА потеряла 60% и более (убитыми, умершими после ранений, пропавшими без вести и попавшими в плен) советских вооружённых сил за всю войну. Разница в потерях советских вооружённых сил и немецких с союзниками составляет: 1) 3,6–5 млн военнослужащих в цифрах, которые подтверждаются существующими данными; 2) 2–3 млн – в системе координат одинаковой смертности среди военнопленных; 3) 1–2 млн – с предположением потерь, не учтённых среди немецких (и союзников), но прибавляемых советским вооружённым силам. Переводя на язык «эффективности военных действий», руководства и армии, немецкая сторона «воевала лучше» на разницу 1–5 млн военнослужащих. Так можно было бы рассуждать, если бы дело

шло об экономических и финансовых показателях, но вряд ли приемлемо к вопросам войны. Например, если бы КА начала мстить на оккупированной территории, расстреливая всех представителей вооружённых формирований, то соотношение цифр потерь поменялось бы местами, но это не означало бы изменение военной эффективности Красной армии. Потери сторон показывают, что вермахт был сильнее Красной армии в июле-ноябре 1941 г., однако в декабре 1941 г. эта армия была разбита под Москвой.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выводы исследования могут использоваться для продолжения изучения периода Второй мировой войны. Материалы исследования и выводы могут использоваться в преподавании курса Истории России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, потери в войне, войны памяти, Вторая мировая война

Для цитирования:

Шульц Э. Э. Военные потери как критерий эффективности воюющих сторон в дискуссиях о Великой отечественной войне // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 5. С. 57–69.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-57-69

Original research article

MILITARY LOSSES AS A CRITERION FOR THE EFFECTIVENESS OF WARRING PARTIES IN DISCUSSIONS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

E. Shults

Moscow State Linguistic University

Moscow, Russian Federation

Federal State University of Education

Moscow, Russian Federation

e-mail: nuap1@yandex.ru

Received 14.06.2025

Revised 29.06.2025

Accepted 10.07.2025

Abstract

Aim. Determine the possibility of using the criterion of military losses in the Great Patriotic War to determine the effectiveness of warfare by the Red Army and the Wehrmacht.

Methodology. The article is devoted to determining the numbers of losses of the Red Army and the Wehrmacht with the allies and assessing the reasons for the difference in losses of the parties. This problem is considered both from the point of view of an independent scientific problem, and the question of the effectiveness of armies and warfare, which often in scientific and public thought slips into the maxim "they threw corpses", as a summary of the reasons for the victory of the USSR. For the study, a statistical analysis of losses, a comparative method, and a historical genetic method are used.

Results. The author concludes that the irretrievable losses of the Red Army amounted to 8.7 million or 10 million people, the losses of the Wehrmacht and allies on the Eastern Front amounted to at least 5 million. At the same time, the problem of numbers includes such an unaccounted factor as service on the side of the Wehrmacht of former soldiers and officers of the Red Army, who are attributed to the losses of the Soviet side, and died fighting on the side of Germany. Another "statisti-

cal problem" is "super-mortality" (in comparison with the mortality of Germans and allies) among Soviet servicemen in German captivity, which is not related to hostilities, but is a matter of targeted destruction of prisoners of war, which amounted to 1.8 million people. The author concludes that the difference in losses between the Red Army and the Wehrmacht refers to the advantage of the first strike. During the first year and a half of the war, the Red Army lost 60% or more (killed, died after injuries, missing and captured) of the Soviet armed forces throughout the war. The difference in losses of the Soviet armed forces and German with the Allies is: 1) 3.6–5 million troops in numbers that are confirmed by existing data; 2) 2–3 million – in the coordinate system of the same mortality rate among prisoners of war; 3) 1–2 million – with the assumption of losses not taken into account among the German (and allies), but added to the Soviet armed forces. Translating into the language of "effectiveness of military operations", leadership and army, the German side "fought better" by the difference of 1–5 million troops. This could be argued if it was a matter of economic and financial indicators, but it is hardly acceptable to issues of war. For example, if the spacecraft began to take revenge in the occupied territory, shooting all representatives of armed formations, the ratio of loss figures would change places, but this would not mean a change in the military effectiveness of the Red Army. The losses of the parties show that the Wehrmacht was stronger than the Red Army in July–November 1941, but in December 1941 this army was defeated near Moscow.

Research implications. The conclusions of the study can be used to continue research on the history of the USSR during the Second World War. Research materials and conclusions can be used in teaching the course of Russian History.

Keywords: Great Patriotic War, war losses, memory wars, World War II

For citation:

Shults, E. E. (2025). Military losses as a criterion for the effectiveness of warring parties in discussions about The Great Patriotic War. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 5, 57–69.

DOI: 10.18384/2949-5164-2025-5-57-69

Введение

Проблема потерь сторон – СССР и Третьего рейха с его союзниками – в Великой Отечественной войне имеет свою собственную научную ценность, а также с точки зрения постоянных отсылок в науке и общественной мысли к проблеме «эффективности» Красной армии и вермахта и сентенции «трупам закидали», как резюмирование причин победы СССР, которая становится ключевой в т. н. «войнах памяти» [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Рассмотрим данную проблему с точки зрения определения цифр потерь и оценке причин разницы в потерях сторон.

Военные людские потери Красной армии

Специальная комиссия Министерства обороны СССР по выявлению и уточнению данных о потерях в 1941–1945 гг. в

1990 г. пришла к выводу, что Вооружённые силы СССР в годы Великой Отечественной войны (включая кампанию против Японии на Дальнем Востоке в 1945 г.) понесли безвозвратные потери в количестве 8 668 400 чел. [7, с. 234; 8, с. 14]. Эта цифра – 8 668 400 военнотрудовых списочного состава стала официальной и закрепились в историографии [9, с. 76; 10, с. 227].

Существуют баснословные подсчёты потерь Вооружённых сил СССР в войне. Так, Б. В. Соколов вначале заявлял о 14,7 млн чел. [11, с. 11–15], а затем повысил эти цифры до 26,4 млн [12, с. 340; 13, с. 208, 225, 230, 231, 257, 310]. В. Г. Первышин дал цифру 17 841 700 военнотрудовых [14, с. 367–370, 343–344] (особенно впечатляет точность до сотен при таком состоянии источниковой базы). Эти подсчёты строятся на неверной методике и

ошибочных данных, как при подсчётах от общего количества потерь населения по переписям, так и с точки зрения расчётов от количества призванных в ряды РККА.

Часто разница в разлёте цифр исследователей кроется в понятиях общие потери и безвозвратные потери. В период войны общие потери включают всех выбывших из строя (раненных и указанные далее категории), безвозвратные потери для армии составляют убитые, пропавшие без вести и попавшие в плен. В безвозвратные потери со временем попадают скончавшиеся от ран, но выбывает из неё часть пропавших без вести. По окончании войны из безвозвратных потерь исключаются возвратившиеся пленные. Часто в литературе данные по этим категориям смешиваются.

Из серьёзных исследований по пересмотру официальных цифр следует указать работы В. Н. Земскова, который высчитывал сумму потерь военнослужащих в 11,5 млн [15; 16].

Одной из проблем в подведении итогов потерь вооружённых сил СССР является установление количества советских военнопленных и погибших в плену. В литературе и поныне, спустя более полвека после окончания войны, встречаются разные оценки численности советских военнопленных – от 4,0 до 6,3 млн чел.

Группа авторов во главе с Г. Ф. Кривошеевым в масштабном исследовании, изданном в 1993 г., выводила общее количество советских военнопленных как 4 059 000 чел. [17, с. 338]. Затем эта цифра была скорректирована до 4 559 000 военнопленных [9, с. 80].

Численность советских военнопленных по немецким архивным источникам в англоязычной и немецкой историографии была установлена ещё в конце 1950-х гг.: с начала войны до 1 февраля 1945 г. в немецкий плен попало более 5,7 млн (5 754 тыс. чел.) [18, р. 440]. Эта цифра складывалась из 3,35 млн попавших в плен в 1941 г. и 2,4 млн – с 1 января 1942 г. по 1 февраля 1945 г.

Из статуса военнопленных Г. Ф. Кривошеев и авторы сводного труда выводят от 0,5 до 1 млн, не числившихся в штабах воинских частей [10, с. 500; 17, с. 140, 338–339; 19, с. 143]. Разница заключается в трактовке понятия «военнопленный», в который немецкая статистика включала, в т. ч. личный состав незавершённых формирований народного ополчения, отрядов самообороны городов и местной противовоздушной обороны, истребительных отрядов, милиции, больных и раненых военнослужащих, которые в донесениях советских воинских частей были учтены как санитарные потери. Эти категории не вошли в число военнопленных полностью в статистике «Гриф секретности снят» [19, с. 143] и частично – в «Россия и СССР в войнах XX века».

В современных исследованиях целая группа авторов берёт за основу «немецкие расчёты» в 5 754 тыс. советских военнопленных, но считает, что данные цифры требуют уточнения, т. к. в них упускается примерно 0,45 млн чел. Разница проявляется на 1941 г., где в немецкой статистике числилось 3,9 млн советских военнопленных, а затем из неё «исчезли» 450 тыс.¹ [19, с. 143; 20, с. 234; 21; 22, с. 99]. Таким образом, общая сумма советских военнопленных (суммарно по немецкому, финскому и румынскому плену) высчитывается как 6,3 млн чел., 3,9 млн из которых погибли, 2,4 млн остались в живых [19, с. 144; 20, с. 24, 26, 28].

Попробуем теперь разобраться в подсчётах цифр общих безвозвратных потерь вооружённых сил СССР.

На 22 июня 1941 г. общая численность РККА и Военно-морского флота составляла 4 826 907 чел. К этому необходимо

¹ Эта разница «набегает» между немецкими данными донесений воинских частей и лагерной статистикой – т. е. в 1941 г. 450 тыс. пленных погибли после момента пленения до поступления в лагерь. Эта цифра в 3,9 млн подтверждается в справке канцелярии рейхсминистра оккупированных восточных территорий А. Розенберга на имя рейхсмаршала Г. Геринга от 1 февраля 1942 г. и в сводке донесений немецких штабов.

добавить 74 945 военнослужащих других ведомств, что даёт общую численность – 4 901 852 чел. [9, с. 74; 19, с. 25–26].

В ходе войны, начиная с 22 июня 1941 г. в армию и на флот было призвано 31 812 200 чел., однако 2 237 300 из них (в силу различных обстоятельств) были призваны повторно. Таким образом, реально количество призванных составляет 29 574 900 чел. Сумма этих двух цифр (количественный состав действующей армии на 22 июня + количество призванных за годы войны) – 34 476 752 чел. По состоянию на конец мая 1945 г. КА насчитывала 12 839 800 чел. [9, с. 74; 19, с. 25–26]. Разница составляет 21 636 952 чел. Отсюда берутся утверждения об общем количестве погибших военнослужащих СССР в 20 млн и более.

Однако эта цифра не учитывает большое количество данных об убыли из списочного состава КА, которые не относятся к категории «погибших» (погибшие, умершие от ран, болезней, несчастных случаев, пропавшие без вести).

В ходе войны из армии и флота были уволены по ранению и болезни – 3 798 200 чел.; направлено в органы и войска НКВД и др. формирований – 1 174 600 чел.; перешли на службу в польские, чехословацкие и румынские соединения – 250 400 чел.; передано для работы в промышленность – 3 614 600 чел.; осуждено и направлено в места заключения – 436 600 чел.; отчислено из армии «по неблагонадёжности» – 206 000 чел.; неразысканные дезертиры, пропавшие без вести во внутренних округах составили 212 400 чел. [9, с. 74–76; 19, с. 26–27]. Общая сумма этих статей составляет 9 692 800 чел.

Разница между графой «общая убыль» (разница между армией на 22 июня и количеством мобилизованных с количественным составом армии на июнь 1945 г.) (21,6369 млн) и указанными статьями списочной убыли (9,6928 млн) составляет 11 944 100. Собственно, эта цифра и берётся в современных исследо-

ваниях в качестве показателя безвозвратных военных потерь СССР¹.

Напомним, что безвозвратные потери включают погибших, умерших от ран, болезней, несчастных случаев, пропавших без вести и попавших в плен. По итогам войны все ненайденные пропавшие без вести считаются погибшими, т. е. у нас в этой цифре две составляющие – погибшие и пленные. По окончании войны вернулось из плена – 1 836 000 чел. [9, с. 76]. Т. е. в погибших остаётся 10 108 100 военнослужащих.

Из этого списка Г. Ф. Кривошеев и целый ряд авторов предлагают вычестить 939,7 тыс. чел. – ранее попавшие в окружение и проходившие по документам как о пропавших без вести, но при освобождении территорий Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтики вторично призванные [9, с. 76; 10, с. 227]. Логика данного действия не совсем ясна. Эти призванные уже отражаются во всех рассмотренных цифрах, если только не являются дополнительными к уже учтённым «повторно призванным» (однако на это нет никаких указаний ни у авторов исследования, ни у исследователей, опирающихся на эти расчёты). Если принять эти расчёты, то итоговые безвозвратные потери вооружённых сил СССР составляют 9 168 400 чел., из которых 8 668 400 военнослужащих списочного состава² и 0,5 млн военнообязанных, которые были призваны в первые дни войны, но не добрались до частей (пропали без вести по пути следования и не участвовали в боевых действиях) [9, с. 76; 10, с. 227]. Наши расчёты дают 10 млн военнослужащих. Проверка этих расчётов по другому источнику – «книги военкоматов по учёту поступивших извещений на погибших, умерших и пропавших без вести военнослужащих» показывает их недостаточную точность [9, с. 76; 19, с. 27].

¹ 500 тыс. чел. военнообязанных, не дошедших до частей и не попавших в списки [1, с. 74–76]).

² Пограничные войска потеряли 61 400 чел., Внутренние войска – 97 700 чел. [1, с. 76].

Итак, мы получаем общее количество безвозвратных потерь от 8,7 до 10 млн военнослужащих вооружённых сил СССР. Перейдём к потерям немецкой стороны.

Военные людские потери вермахта

Потери немецкой армии погибшими в историографии Германии назывались в размере 3 млн в первое десятилетие после войны [23, с. 597; 24, р. 396], затем цифра выросла в официальной статистике до 4 440 000 [25, р. 78]. Современные немецкие исследования дают безвозвратные потери военнослужащих Германии в 5 318 000 (включая 900 тыс. призванных из-за пределов границ Германии 1937 г.) [26, р. 228–232].

Советская наука установила в 1990 г. цифру безвозвратных потерь нацистской Германии в 5,5 млн чел. [7, с. 234; 8, с. 16].

Проблема немецкой статистики заключается в том, что она велась по потерям военнослужащих только до 1 января 1945 г. Статистика до 31 января 1945 г. даёт 8 333 978 убитых, раненных и пропавших без вести. Из этой цифры производится расчёт погибших: 1) убитые по данной статистике плюс умершие в госпиталях и в плену или 2) от данной суммы минусуется количество вернувшихся из госпиталей и плена. Откуда и появляется цифра между 3 и 4 млн погибших, в зависимости от подсчётов, и точно больше 4 млн на середину мая 1945 г. [10, с. 534; 26, р. 231; 27, с. 208].

Эти статистические данные несут в себе несколько «родовых проблем».

Во-первых, в этих цифрах нет марта, апреля и начала мая 1945 г. – времени больших потерь для вермахта (возможно, наибольших). В связи с отсутствием статистических данных, оценка проводилась ориентировочно, а расчётные данные немецкого командования дают с 1 января по 30 апреля 1945 г. потери в 2 072 тыс. чел., из которых 1 277 тыс. безвозвратные [10, с. 535]. Исследователи обращали внимание на приблизительность этих данных, так как за основу расчётов брались

среднемесячные потери за три месяца 1944 г., а весной 1945 г. они должны были быть выше, и на невключённость в них потерь 1–11 мая 1945 г. [10, с. 535].

Российская историография считает, что безвозвратные потери вермахта и союзников Германии превышают 8 млн чел. (6,5 млн и 1,5 млн, соответственно) [10, с. 545; 28, с. 109; 29, с. 86–87]. Для получения цифры погибших отсюда необходимо вычитать 2,6 млн для немцев и 0,66 млн для их союзников вернувшихся из советского плена после войны. Т. е. количество погибших немецких военнослужащих будет 3,9–4 млн, а союзников Германии – чуть больше 0,8 млн.

Подсчёты коллектива во главе с Г. Ф. Кривошеевым, исходя из численности немецкой армии на 1 марта 1939 г. и 9 мая 1945 г., с учётом уволенных по ранению и болезни (2 463 тыс.), демобилизованных и отправленных в промышленность (2 млн чел.), общие безвозвратные потери составили 11 млн 844 тыс. чел. Погибшими из них являются 4 457 тыс.: среди них 3 600 тыс. немцев, 270 тыс. – австрийцев, 230 тыс. – судетских немцев и эльзасцев, 347 тыс. – граждан других государств и «фольксдойче» [10, с. 539].

Исследователи отмечают, что данные статистики не учитывают (и данные по ним отсутствуют) потери охранных подразделений, военно-полевой полиции, СД и гестапо, не входивших в войска СС, военной администрации на оккупированных территориях (численность около 600 тыс. чел.) [10, с. 540]. На советской стороне эти функции выполнялись людьми в форме, потери среди которых учтены в статистике. Потери военизированных формирований «Фольксштурм» отнесены немецкой статистикой (а вслед за ней и многими исследователями) к потерям гражданского населения Германии [10, с. 541], а это около 6 млн членов организации с неизвестным количеством боевых потерь. При этом потери ополчен-

цев в СССР и большей части партизан¹ отнесены к потерям армии. В подсчётах немецких потерь Р. Оверманса² эта проблема решается (если и не полностью, то значительно).

Таким образом, за основу можно взять цифры, выводимые Р. Овермансом и Г. Ф. Кривошеевым, в размере 5,3–5,5 млн потерь немецких вооружённых сил. Подсчёты Оверманса и группы Г. Ф. Кривошеева (хотя, возможно, не полностью) решается проблема, в границах Германии какого года представляются потери. Такой подсчёт частично снимает претензии к цифрам потерь с точки зрения того, что они не учитывали потери представителей других государств, находившихся на службе в армии Германии: граждан Франции, Нидерландов, Дании, Норвегии, Хорватии и других, – но остаются вопросы по учёту граждан СССР, воевавших на стороне Германии.

Служившие в войсках Германии и Румынии советские граждане с территорий Прибалтики и Молдавии не учитываются в потери этих стран, т. е. «уходят» в демографические потери СССР.

Не учтены (учтены лишь частично) служившие в т. н. «восточных легионах» (нем. *Ostlegionen, Ostgruppen*) – добровольческих соединениях, сформированных из числа военнопленных, призывников и добровольцев с оккупированных территорий СССР, а также военнослужащие «Русской освободительной армии» («власовцы»). В сумме эти подразделения могли составлять до полумиллиона человек³. Численность ОУН-УПА (т. н. «Укра-

инская повстанческая армия») составляла от 150 до 500 тыс. чел. [31].

Неизвестное количество советских военнопленных и гражданских лиц служили в категории *Hilfwilliger* («добровольные помощники») обслуживающим персоналом, объём которого в пехотной дивизии в среднем мог составлять до 10%, а в транспортных колоннах до 50% численного состава, потери которых воинской частью не учитывались [10, с. 540]. В КА такие функции выполнялись в большинстве своём военнослужащими, чьи потери шли в статистику потерь армии.

По различным подсчётам в т. н. «восточных легионах» и добровольческих формированиях, войсках СС и полиции за период с 1941 по 1945 г. прошло службу до 1,5 млн чел. [31; 32, с. 399, 751; 33, с. 150]. Причём главным источником пополнения являлись бывшие советские военнослужащие [32, с. 449].

Таким образом, суммируя погибших немецких вооружённых сил (5,3–5,5 млн) и союзников Германии (900 тыс.) получаем общие потери погибшими военнослужащими 6,2–6,4 млн за 1941–1945 гг. При этом в проблему цифр включается такой неучтённый фактор, как служба на стороне вермахта бывших солдат и офицеров КА, которые отнесены к потерям РККА, а погибли, воюя на стороне Германии.

На восточном фронте воевало 70% военнослужащих, а соотношение разгромленных частей на восточном и западном театре военных действий – 10 к 1 [10, с. 455; 30, с. 397]. По соотношению убитых, раненых, пленных и пропавших без вести советско-германского фронта и других театров военных действий составляет 80% к 20% [10, с. 635; 27, с. 210]. Т. е. 80% потерь вполне логично относить к «восточному фронту».

Таким образом, из 6,2–6,4 млн погибших, как минимум 5 млн должны

чел. [36, с. 540]. Эти части несли потери и пополнялись, так что сумма в полмиллиона не представляется завышенной.

¹ В 1943 г. законодательно партизаны были приравнены к военнослужащим, а командно-политическому составу партизанских сил стали присваиваться офицерские звания.

² Источником выборки для немецкого историка Рюдигера Оверманса («Немецкие военные потери во Второй мировой войне») стала картотека немецкой службы по оповещению близких родственников павших, однако данный источник не даёт полную картину, т. к. тоже зависит от проблемы географических границ Германии 1937–1945 гг.

³ «Восточные легионы» в 1943 г. составляли от 220 до 320 тыс. [27, с. 390]; в РОА речь идёт о 160–180 тыс.

относиться к восточному фронту (4,96–5,12 млн).

Результаты подсчётов дают превышение потерь советской стороны (8,7–10 млн) над немецкой с союзниками (5–5,1 млн) – на 3,65 млн военнослужащих.

Цифры потерь рассматриваются часто не только в общественной мысли, но и среди исследователей, как показатель эффективности армий и ведения войны. Для того чтобы в данном контексте сравнивать сопоставимые цифры, необходимо, как представляется, привести их в «одну систему координат».

Исследователи уже поднимали вопрос, что в случае равноценных потерь среди пленных, общие потери КА и вермахта были бы примерно одинаковыми [34, с. 14]. Посмотрим на эти данные. Процент умерших в плену германских вооружённых сил составляет 14%, а союзников – 18% от общего количества пленных¹. Для советских военнопленных доля умерших в плену составляет более 60%². В случае даже смертности выше, чем у немцев и союзников в плену, но сопоставимых, например: 20%, число погибших советских военнослужащих уменьшилось бы минимум на 1,8 млн. чел. Таким образом, потери погибшими советскими вооружёнными силами составили бы 7–8 млн (в зависимости от финальных расчётов потерь в 8,7 млн или 10 млн чел.)³.

Так как эти цифры в 1,8 млн «сверхсмертности» среди советских военнослужащих в немецком плену не имеют отношения к боевым действиям, а являются вопросом целенаправленного уничтоже-

ния военнопленных, то с т. зр. оценки эффективности ведения войны различными сторонами было бы логичным сравнивать именно в состоянии одинаковых потерь среди военнопленных.

Итак, с одной стороны 5 млн военных, с другой – 7–8 млн.

Недостающие данные по немецким потерям могли бы серьёзно сократить разницу в этих цифрах и определяющее значение здесь имеют цифры погибших среди воевавших на стороне Германии граждан СССР, которые зачисляются в потери СССР, а не Германии (и Румынии), так как эти цифры не учтены для немецкой стороны (с союзниками), но ещё важнее – погибшие на стороне Германии бывшие советские военнослужащие в статистике дают «удвоенный эффект»: они не зачислены в немецкие потери и зачислены в советские потери (так как были призваны в Советские вооружённые силы и, таким образом, учтены в подсчётах потерь): т. е. цифра советских потерь уменьшается, немецких (с союзниками) увеличивается, а разнится в потерях уменьшается в 2 раза. Например, если потери бывших советских военнослужащих на немецкой стороне принять за 0,5 млн, то разница уменьшится на 1 млн (минус 0,5 млн из советских потерь, плюс 0,5 млн в немецкие потери). С учётом количества коллаборационистов, а также других «недосчётов» цифр потерь немецкой стороны, сокращение разницы в рассматриваемых потерях на 1 млн не представляется завышением. Таким образом, высчитываемая теоретически разница в потерях погибшими в боях, умерших после ранений и в плену (при расчёте смертности советских военнопленных на уровне 20% в отношении 14% и 18% потерь немецких и союзнических) между советской и немецкой стороной составляет 1–2 млн.

Заключение

Итак, разница между потерями советских вооружённых сил и немецких с союзниками составляет:

¹ Подсчитано на основании данных: [36, с. 542].

² Подсчитано по разным цифрам военнопленных на основании данных: [1, с. 80; 23, с. 144; 5, с. 24, 26, 28].

³ Разница цифр В. Н. Земскова в основном строится на большем количестве советских военнопленных, умерших в плену, так что, взяв цифры исследователя в 11,5 млн, из неё были вычтены эти погибшие в плену как превышающие уровень погибших немецких военнопленных в советском плену, так что цифра всё равно стремилась бы к стартовым 10 млн.

- 3,6–5 млн военнослужащих в цифрах, которые подтверждаются существующими данными;
- 2–3 млн – в системе координат одинаковой смертности среди военнопленных;
- 1–2 млн – с предположением потерь, неучтённых среди немецких (и союзников), но прибавляемых советским вооружённым силам.

Переводя на язык «эффективности военных действий», руководства и армии, немецкая сторона «воевала лучше» на разницу 1–5 млн военнослужащих. Так можно было бы рассуждать, если бы дело шло об экономических и финансовых показателях, но вряд ли приемлемо к вопросам войны. Например, если бы КА начала мстить на оккупированной территории, расстреливая всех представителей вооружённых формирований, то соотношение цифр потерь поменялось бы местами, но означало бы это изменение военной эффективности Красной армии? Нет, конечно.

При этом эти цифры разницы в 1–5 млн дают возможность порассуждать об уровне противостоящих сторон.

Итак, если сравнивать количество безвозвратных потерь вооружённых сил СССР – от 8,7 до 10 млн военнослужащих – и безвозвратные потери немецкой стороны (Германия плюс союзники), то разница составляет 2,6–4 млн.

Если обратиться к цифрам потерь по годам, то потери КА за первое полугодие войны (убитые, умершие после ранений, пропавшие без вести и попавшие в плен) составили более 3,3 млн чел. [10, с. 236] – собственно, та разница, которая и остаётся в финальных цифрах потерь советских и германских вооружённых сил. Эту разницу можно отнести к преимуществу первого удара. Это преимущество всегда существовало в истории войн, а во Второй мировой войне было доведено вермахтом до решающего значения (что сказалось в Польше и Франции и на первом этапе войны в СССР). Учитывая, что

после капитуляции немецкая армия (как и союзнические) не уничтожались, уничтоженные атакующей стороной не были компенсированы при её поражении.

Рассуждения о том, что обороняющаяся сторона должна была потерять в 5 раз меньше атакующей [34, с. 16] – это заблуждения из Первой мировой, принципы Второй мировой на европейском театре военных действий были существенно иными. Кроме польской и французской кампаний вермахта, обращает на себя внимание ключевая битва в Северной Африке – битва при Эль-Аламейне, 23 октября – 5 ноября 1942 г., где атаковавшие, но проигравшие германо-итальянские войска Роммеля, понесли людские потери сопоставимые с союзническими войсками.

Эффект этого первого удара сказался и на 1942 г., когда РККА пришлось во многом отстраиваться заново, потеряв в 1941 г. боеспособные подготовленные части и технику – КА потеряла 3,26 млн [10, с. 236]. Таким образом, за первые полтора года войны РККА потеряла 60% и более (убитыми, умершими после ранений, пропавшими без вести и попавшими в плен) советских вооружённых сил за всю войну (в зависимости от конечной цифры таких потерь)¹. С точки зрения потерь подтверждается и тезис о коренном переломе в войне в 1943 г., когда потери КА резко снизились.

Планы немецкого командования не учли мобилизационные возможности СССР. План блицкрига сработал с точки зрения нанесения серьёзных потерь вооружённым силам (и экономике) СССР, но не дал победы в войне.

Был ли вермахт сильнее КА в июле–ноябре 1941 г. Ответ очевиден – да. Он был сильнее подготовленностью армии, воюющей уже 2 года, и слаженностью её подразделений и родов войск. Однако в декабре 1941 г. эта армия была разбита под Москвой, и только невероятными

¹ Расчёт по данным: [36, с. 236].

усилиями группа армий Центр была сохрaнена. В 1942 г. вермахт снова оказывался сильнее за счёт тех же факторов, но зимой 1942–1943 гг. снова получил разгром, уже под Сталинградом. 1943 г. стал годом условного равенства сил, где победа на Курской дуге ознаменовала коренной перелом в войне, когда в дальнейшем КА начала превосходить своего противника.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве / В. Э. Багдасарян, В. В. Журавлёв, А. Э. Ларионов и др. М.: Проспект, 2022. 304 с.
2. Информационные факторы формирования исторического сознания молодёжи (на примере изучения представлений о Великой Отечественной войне) / В. Э. Багдасарян, А. Э. Ларионов, С. И. Реснянский и др. // Вопросы истории. 2022. № 8-1. С. 34–49. DOI: 10.31166/VoprosyIstori202208Statyi17
3. Шульц Э.Э. 22 июня 1941 г.: силы противостоящих сторон // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2025. № 1. С. 40–50. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-40-50
4. Шульц Э. Э. Великая Отечественная война в контексте важности исторических событий для современного российского общества // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11. № 4. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-4-41-41
5. Шульц Э. Э. Стереотипные образы Великой Отечественной войны: Сталин, глобус и винтовки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 20–29. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-20-29
6. Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia / A. Lariонов, V. Bagdasaryan, S. Fedorchenko, E. Shults // Linguistics and Culture Review. 2021. № 5. DOI: 10.21744/lingcure.v5nS3.1830
7. Кропачев С. А., Кринко Е. Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. М.: РОССПЭН, 2012. 350 с.
8. Моисеев М. А. Цена Победы // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 14–16.
9. Кривошеев Г. Ф. Об итогах статистических исследований потерь Вооружённых сил СССР в Великой Отечественной войне // Людские потери СССР в период второй мировой войны: сб. / под ред. Н. А. Араловец и др. СПб: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 71–81.
10. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков и др. М.: Вече, 2010. 624 с.
11. Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М.: Московский рабочий, 1991. 191 с.
12. Соколов Б. В. Вторая мировая: факты и версии. М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. 431 с.
13. Соколов Б. В. Правда о Великой Отечественной войне. СПб.: Алетейя, 1998. 348 с.
14. Первышин В. Г. Сталин и Великая Отечественная война. М.: Компания Спутник+, 2004. 424 с.
15. Земсков В. Н. О масштабах людских потерь СССР в Великой Отечественной войне (В поисках истины) // Военно-исторический архив. 2012. № 9. С. 59–71.
16. Земсков В. Н. Остаётся ли дискуссионным вопрос о масштабах людских потерь СССР в 1941–1945 гг.? // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 3. С. 115–127.
17. Гриф секретности снят: потери вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистические исследования / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. М.: Воениздат, 1993. 416 с.
18. Dallin A. Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945: Eine Studie uber Besatzungspolitik. Dusseldorf, 1958. 727 p.
19. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 / отв. ред. Ю. А. Поляков. М.: РОССПЭН, 2001. 416 с.
20. Война и общество. 1941–1945. Книга 2 / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М.: Наука, 2004. 410 с.
21. Земсков В. Н. «Статистический лабиринт». Общая численность советских военнопленных и масштабы их смертности // Российская история. 2011. № 3. С. 22–32.

22. Штрайт К. Солдатами их не считать: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 годах / пер. с нем. М.: Прогресс, 1979. 111 с.
23. Аригц Г. Людские потери во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны. Выводы победённых: сб. / под ред. И. Н. Соболева. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1957. С. 593–604.
24. Jacobsen H. A. 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Wehr und Wissen Verlagsgesellschaft, 1959. 492 p.
25. Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland 1960. Statistisches Bundesamt. Stuttgart-Mainz: W. Kohlhammer Verlag, 1961. 809 p.
26. Overmans R. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. München: R. Oldenbourg Verlag, 2000. 381 p.
27. Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб.: Полигон, 1994. 558 с.
28. Гуркин В. В. О людских потерях вермахта на советско-германском фронте и во Второй мировой войне // Людские потери СССР в период второй мировой войны: сб. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 105–110.
29. Михалев С. Н. Великая Отечественная: демографические и военно-оперативные потери // Людские потери СССР в период второй мировой войны: сб. / под ред. Н. А. Араловец и др. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 82–96.
30. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. / пер. с нем. М.: ЭКСМО, Изографус, 2002. 800 с.
31. Кирсанов Н. А., Дробязко С. И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60–75.
32. Дробязко С. И., Романько О. В., Семёнов К. К. Иностранные формирования Третьего рейха. М.: АСТ, 2011. 844 с.
33. Аакен, фон В. «Ведьмин котёл» на Восточном фронте. Решающие сражения Второй мировой войны. 1941–1945 / пер. с нем. М.: Центрполиграф, 2010. 220 с.
34. Гареев М. А. Факторы, определившие военные потери в Великой Отечественной войне // Людские потери СССР в период второй мировой войны. Сборник статей. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1995. С. 13–17.

REFERENCES

1. Baghdasaryan, V. E., Zhuravlev, V. V., Larionov, A. E., et al. (2022). *Perception of the Soviet past in the context of the formation of new identities, wars of memory and images of the future in the post-Soviet space*. Moscow: Prospect Publ. (in Russ.).
2. Baghdasaryan, V. E., Larionov, A. E., Resnyansky, S. I., et al. (2022). Informational factors of the formation of the historical consciousness of young people (on the example of studying ideas about the Great Patriotic War). In: *Questions of history*, 8-1, 34–49. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi17 (in Russ.).
3. Schulz, E. E. (2025). June 22, 1941: forces of the opposing sides. In: *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Science*, 1, 40–50. DOI: 10.18384/2949-5164-2025-1-40-50 (in Russ.).
4. Schulz, E. E. (2023). The Great Patriotic War in the context of the importance of historical events for modern Russian society. In: *Science. Society. Defense*, 11-4. DOI: 10.24412/2311-1763-2023-4-41-41 (in Russ.).
5. Schulz, E. E. (2022). Stereotypical images of the Great Patriotic War: Stalin, the globe and rifles. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Science*, 1, 20–29. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-20-29 (in Russ.).
6. Larionov, A., Bagdasaryan, V., Fedorchenko, S. & Shults, E. (2021). Exogenous factors of memory formation about the great soviet era in contemporary Russia. In: *Linguistics and Culture Review*, 5. DOI: 10.21744/lingcure.v5nS3.1830
7. Kropachev, S. A. & Krinko, E. F. (2012). *Losses of the population of the USSR in 1937–1945: scales and forms. Domestic historiography*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
8. Moiseev, M. A. (1990). Price of Victory. In: *Military History Journal*, 3, 14–16 (in Russ.).
9. Krivosheev, G. F. (1995). On the results of statistical studies of the losses of the Armed Forces of the

- USSR in the Great Patriotic War. In: Aralovets, N. A., ed., et al. *Human losses of the USSR during the Second World War*. St. Petersburg: Russian-Baltic Information Center BLITS Publ., 71–81 (in Russ.).
10. Krivosheev, G. F., Andronikov, V. M., Burikov, P. D., et al. (2010). *Russia and the USSR in the wars of the 20th century. Loss Book*. Moscow: Veche Publ. (in Russ.).
 11. Sokolov, B. V. (1991). *The price of victory. Great Patriotic War: unknown about the famous*. Moscow: Moscow worker Publ. (in Russ.).
 12. Sokolov, B. V. (2005). *World War II: facts and versions*. Moscow: AST-Press Book Publ. (in Russ.).
 13. Sokolov, B. V. (1998). *Truth about the Great Patriotic War*. St. Petersburg: Aletheya Publ. (in Russ.).
 14. Pervyshin, V. G. (2004). *Stalin and the Great Patriotic War*. M.: Sputnik+ Company Publ. (in Russ.).
 15. Zemskov, V. N. (2012). On the scale of human losses of the USSR in the Great Patriotic War (In Search of Truth). In: *Military Historical Archive*, 9, 59–71 (in Russ.).
 16. Zemskov, V. N. (2015). Does the question of the scale of human losses of the USSR in 1941–1945 remain controversial? In: *News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 17-3, 115–127 (in Russ.).
 17. Krivosheev, G. F., Andronikov, V. M., Burikov, P. D. & Gurkin, V. V. (1993). The secrecy stamp was removed: losses of the armed forces of the USSR in wars, hostilities and military conflicts. Statistical studies. Moscow: Military Publishing (in Russ.).
 18. Dallin, A. (1958). *Deutsche Herrschaft in Russland 1941–1945: Eine Studie über Besatzungspolitik*. Dusseldorf.
 19. Polyakov, Yu. A., ed. (2001). *The population of Russia in the XX century: Historical essays. Vol. 2. 1940–1959*. Moscow: ROSSPEN Publ. (in Russ.).
 20. Sevostyanov, G. N., ed. (2004). *War and society. 1941–1945. Book 2*. Moscow: Science Publ. (in Russ.).
 21. Zemskov, B. H. (2011). "Statistical labyrinth." The total number of Soviet prisoners of war and the scale of their mortality. In: *Russian history*, 3, 22–32 (in Russ.).
 22. Streit, K. (1979). Soldiers do not count them: Wehrmacht and Soviet prisoners of war in 1941–1945. Moscow: Progress Publ. (in Russ.).
 23. Arntz, G. (1957). Human losses in World War II. In: Sobolev, I. N., ed. *Results of World War II. Conclusions of the defeated*. Moscow, Foreign Literature Publ., 593–604. (in Russ.).
 24. Jacobsen, H. A. (1959). *1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten*. Wehr und Wissen Verlagsgesellschaft.
 25. (1961). *Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland 1960*. Statistisches Bundesamt. Stuttgart-Mainz: W. Kohlhammer Verlag.
 26. Overmans, R. (2000). *Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg*. München: R. Oldenbourg Verlag.
 27. Uralnis, B. Ts. (1994). History of military losses. St. Petersburg: Polygon Publ. (in Russ.).
 28. Gurkin, V. V. (1995). On the human losses of the Wehrmacht on the Soviet-German front and in World War II. In: Aralovets, N. A., et al., eds. *Human losses of the USSR during the World War II*. St. Petersburg: Russian-Baltic Information Center BLITS, 105–110 (in Russ.).
 29. Mikhalev, S. N. (1995). The Great Patriotic War: demographic and military-operational losses. In: Aralovets, N. A., et al., eds. *Human losses of the USSR during the World War II*. St. Petersburg: Russian-Baltic Information Center BLITS, 82–96 (in Russ.).
 30. Müller-Gillebrand, B. (2002). *Deutsche Landarmee 1933–1945*. Moscow: EKSMO, Isografus Publ. (in Russ.).
 31. Kirsanov, N. A. & Drobyazko, S. I. (2001). The Great Patriotic War of 1941–1945: national and volunteer formations on opposite sides of the front. In: *Patriotic history*, 6, 60–75 (in Russ.).
 32. Drobyazko, S. I., Romanko, O. V. & Semenov, K. K. (2011). *Foreign formations of the Third Reich*. Moscow: AST Publ. (in Russ.).
 33. Müller-Gillebrand, B. (2010). *Deutsche Landarmee 1933–1945*. Moscow: Centerpolygraph Publ. (in Russ.).
 34. Gareev, M. A. (1995). Factors that determined military losses in the Great Patriotic War. In: *Human losses of the USSR during the Second World War*. St. Petersburg: Russian-Baltic Information Center BLITS, 13–17 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульц Эдуард Эдуардович (г. Москва) – кандидат исторических наук, доцент кафедры коммуникационных технологий Московского государственного лингвистического университета, доцент кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: nuap1@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9067-6228

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard E. Shults (Moscow) – PhD (History), Assoc. Prof., Department of Communication Technologies, Moscow State Linguistic University; Assoc. Prof., Department of Russian history, Federal State University of Education;
e-mail: nuap1@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9067-6228